

МОЛИТВА

Прошу, прости меня
За все мои грехи,
За слабый блеск огня
И горькие стихи.

За мысли о былом
И суетность, и ложь,
За время-метроном,
Что будит в сердце дрожь.

Прошу, не отвергай,
Судить не поспеши,
Надежды лучик дай
На доньшке души.

Прости меня за крик,
За маету и боль,
За то, что мир велик,
За знанье жизни соль.

Не покидай меня,
Помилуй и спаси,
Ночь отдели от дня,
Над бездной пронеси.

Храни меня в пути,
На суше и в воде,
Не дай с ума сойти,
Храни меня везде.

ВИДЕНИЕ

Иду в толпе, не различая лиц,
Не отражаясь ни в одной витрине,
По городу иду, как по пустыне,
Путь освещают всполохи зарниц.

Белеет храм, здесь опускаюсь ниц.
Недвижимый лежу в грязи и глине,
И слёзы жгут глаза, и сердце стынет,
А в небе грохот тысяч колесниц.

Разверзлась твердь и столб огня ударил.
Земля пылает, всюду запах гари,
Лишь храм стоит, как прежде, нерушим,

Златой свой купол вознеся высоко.
Засыпан пеплом, я в грязи пред ним
Лежу в оцепенении глубоком.

ПАРКОВЫЙ ЭТЮД

Bad Nenndorf

Здесь почти Ван Гоговские поля, -
Горизонт уходит куда-то вверх,
Растворяется там,

и миндаля

горьковатый запах,
и меры сверх
Свежего воздуха, коего гладь,
Греясь на солнце, даёт миражи;
Но солнце заходит, и вот опять
Поля Ван Гога - они от бога, -
Поля Ван Гога
из спелой ржи.

***

Взять лицо любимой женщины
Двумя тёплыми ладонями.
Приблизить к своему лицу так,
Чтобы сквозь сумрак комнаты

Увидеть её глаза близко-близко.
Всмотреться в их тёмную глубину
до рези.
Разглядеть на самом их доньшке
едва

заметную

ложь.

***

Проходит жизнь, но остаются строки,
А день уходит вдаль и в темноту.
Мы встретимся однажды на мосту
Над пропастью, где Тибр течёт глубокий.

Рассеянно ты спросишь: «Как ты, милый?»,
И я отвечу явно невпопад.
И бешеный февральский снегопад
Накроет мост, закрутит, что есть силы.

И полетим над чёрною рекой,
Сверкающей подобием зеркала.
И я спрошу: «А может, всё сначала?..»
Но ты исчезнешь, помахав рукой.

***

Безвольно опускается рука.
Взгляд в стену устремлен. За нею чёрным
Квадратом бесконечности провал.
О боже, жребий сей не миновал
Моей судьбы, влиянием тлетворным
Её в пучину ввергнув. Чрез века
Меня настигли предсказанья старца
Безумного. Был в келье заточён
он монастырской.
Мне он часто снится.
Арабской вязью жёлтые страницы
Он покрывает, худ и измождён,
Затем их прячет в тёмной глуби ларца

из кипариса.
Корчится на сводах
тьнь горбоносая. Коптит свеча.
Под скрип пера гусяного бормочет
Слова он непонятные, всклокочен.
И день сегодняшний из-за плеча
Его встаёт, высматривая в годах
Грядущих моего лица черты.

И льётся чёрный свет из пустоты.

***

Мир за окном – цветное полотно.
На нём дома, деревья, люди, птицы.
Поток автомобилей с рёвом мчится.
По снегу такса семенит смешно.

В полтретьего уже полутемно.
Я закрываю книжную страницу
Про журавля, что в небе, и синицу
В чужих руках иль в клетке? Всё равно.

Как Соловей-разбойник чайник свищет.
Иду на кухню, ведь духовной пищей
Желудок не наполнить, сколь ни ешь.

И подступает скучный зимний вечер,
И нечем залатать в бюджете брешь,
И плачет горько, как ребёнок, ветер.